

В старые времена в деревнях, чтобы разжечь огонь для готовки, люди использовали бумажные фитили: поджигали их, а затем раздували ртом, чтобы зажечь дрова и растопить печь. Этот метод добычи огня был довольно мучительным, но он нес на себе яркий отпечаток эпохи. Видимо, съёмочная группа специально так всё устроила, чтобы вызвать воспоминания у зрителей постарше.

Огонёк уже занялся. Янь Жунцю прищурился, глядя на пламя на кончике бумажного фитиля, надул щеки и старательно дунул. Быстро сгорело уже три фитиля, но дрова только дымились, без единой искорки.

Он наклонился, устало. Крупные капли пота стекали со лба, но приходилось терпеливо зажигать очередной фитиль.

Только после шестого фитиля из густого сизого дыма вырвалось пламя, и послышался треск горящих сучьев.

Получилось!

Янь Жунцю, взволнованный, засуетился. В панике он схватил охапку дров и стал аккуратно подкладывать их, взял дутьевую трубку, плотно прижал её к губам и изо всех сил начал раздувать огонь.

Но неожиданно от его дутья огонь не разгорелся, а, наоборот, поднялась едкая, слезящая глаза дымовая завеса. Оказалось, дрова были сырыми. Янь Жунцю поперхнулся совершенно неожиданно, едкий дым полез прямоком в лёгкие, обжигая всю грудную клетку, словно её охватило пламя. Он болезненно склонился к земле, неистово закашляв.

Сквозь клубы дыма вбежал Хэ Чжу.

— Господин Янь, быстро выходите отсюда, — он тут же поднял Янь Жунцю с пола.

Тот, всё ещё закрывая рот рукой от кашля, сопротивляясь, указал на печь.

— Задание...

— Я сделаю. Засчитается как один шанс, — Хэ Чжу выхватил дутьевую трубку — Янь Жунцю, кажется, даже немного замешкался, не желая отдавать, — и без лишних слов вытолкнул его наружу.

Пять минут спустя.

Огонь в обеих печах уже всюду пылал, яркое пламя отражалось от топочных отверстий на стене, заливая её светом.

Снаружи Янь Жунцю умывался у раковины.

— Господин Янь, огонь разожжён, — доложил ему Хэ Чжу.

Янь Жунцю выключил кран. Полотенца не было, пришлось смахнуть воду с лица тыльной стороной ладони. Он поднял голову и с некоторым удивлением посмотрел на Хэ Чжу.

— Как ты так быстро?

Хэ Чжу покачал головой.

— Я не быстрый.

Для Хэ Чжу это и правда было пустяком. Когда-то в детстве, брошенный в сельский приют, ему ежедневно приходилось справляться с работой куда более хлопотной и утомительной, чем просто разжечь огонь.

Мимо проходил сотрудник, принёс Янь Жунцю бутылку воды и полотенце. Янь Жунцю поблагодарил, сначала вытер лицо, потом волосы.

Хэ Чжу молча стоял рядом и смотрел на него.

Его глаза были влажными, иссиня-чёрными, с лёгкой плёнкой слёз, на щеках ещё сохранился румянец от жара огня. Из-за фарфорово-белой кожи разлитая лёгкая краснота была особенно заметна, а губы поблёскивали влагой.

— Что такое? — Янь Жунцю заметил взгляд Хэ Чжу и снова энергично вытер лицо. — Что-то ещё осталось?

Хэ Чжу замешкался лишь на мгновение.

Он достал из кармана пачку салфеток, вытащил одну, длинным шагом приблизившись к Янь Жунцю.

— Немного.

Не успел Янь Жунцю отреагировать, как Хэ Чжу уже склонился, окутав его всю лёгкой тенью. Длинная рука мягко опустилась, и уголком белоснежной салфетки он нежно провёл по внешнему уголку его глаза.

Янь Жунцю инстинктивно отпрянул.

— Спасибо.

Хэ Чжу выпрямился, сказав ровным тоном:

— Не стоит благодарности, господин Янь.

Он убрал руку за спину, скомкав салфетку в ладони в рыхлый шарик.

Янь Жунцю не знал, что на его внешних уголках глаз были особенно длинные ресницы, и их загнутые кончики удерживали блестящие крошечные капельки.

Он также не знал, каким захватывающим дух зрелищем было видеть, как он поднимает на кого-то такой бархатный взгляд, и сколько пылких вожделений это могло пробудить.

Хэ Чжу опустил взгляд. Вдруг ему подумалось: хорошо бы, если бы Янь Жунцю всегда оставался таким, как в детстве.

Если бы Янь Жунцю был не таким красивым, то эти его чувства и навязчивые мысли могли бы быть более оправданными.

Небо темнело. Трое Альф, собиравших овощи, вернулись большими шагами, неся бамбуковые корзины.

— Умираю от усталости, — Цзян Юйнин швырнул корзину на стол. — Одни только поиски заняли полдня.

— А у нас тут огонь уже готов? — из кухни донёлся удивлённый голос Сюй Чэна.

Через мгновение в дверном проёме показалось его красивое лицо.

— Господин Янь, спасибо.

Янь Жунцю покачал головой, показывая, что не стоит благодарностей.

— Говорю же, господин Янь, если у тебя нашлась добрая душа помочь другим, почему ты не пришёл помочь мне?

Цзян Юйнин считал, что на огороде он достаточно настрадался: поцарапал руку, испортил грязью лимитированные кроссовки AJ, и на теле осталось несколько огромных комариных укусов. Его и без того не очень хорошее настроение стало ещё хуже, и в голосе невольно проскользнул привычный снисходительно-повелительный тон.

Янь Жунцю взглянул на него, почувствовав в этих словах оттенок идиотизма, и молча направился с корзиной овощей на кухню.

Блин!

Цзян Юйнин всегда только сам игнорировал других, ещё никогда его самого не игнорировали. Ярость в его животе вспыхнула ещё ярче. Обернувшись, он увидел, что Янь Жунцю стоит перед раковиной и моет овощи, на нём белый фартук — такой же, стандартный поварской, какой выдала съёмочная группа всем. Но почему-то, когда он был завязан на талии Янь Жунцю, в этом было что-то ещё.

Недовольство Цзян Юйнина понемногу улеглось, сменившись другим, неприятным чувством. Под его влиянием он вновь напустил на лицо улыбку, подошёл к раковине рядом с Янь Жунцю.

— Извини, я только что погорячился. Ты же не обижаешься?

Янь Жунцю покачал головой, аккуратно разложив вымытые помидоры и огурцы на чистой разделочной доске.

Цзян Юйнин открыл кран, взял охалку ещё не вымытых Янь Жунцю овощей и начал притворно ополаскивать их.

Руки были заняты, но и глаза без дела не сидели, раз за разом бросая краем взгляда в сторону. Глядел-глядел, и мысли вновь зашевелились, не в силах устоять.

И смелый же этот Омега! Находиться втроём с Альфами, не носить защитный ошейник на железе — ладно, но даже самого обычного пластыря на задней стороне шеи нет! Неужели он действительно думает, что благодаря своему статусу и положению Альфы не посмеют к нему приставать?

Вождеделение, смешанное с пренебрежением, заставило Цзян Юйнина внутренне усмехнуться.

Он по-прежнему считал, что в этом мире богатство и власть — всего лишь приобретённые вторичные атрибуты, и только врождённые характеристики являются абсолютной и неизменной сущностью. Даже с прогрессом общества статус Омег значительно повысился, но

их физиологическая природа — это врождённый недостаток. Не только физическая сила и выносливость у них в целом уступают Альфам, но и влияние феромонов и течки делает их чрезвычайно уязвимыми, легко превращая в собственность Альф.

И гендиректор корпорации Янь не будет исключением.

Более того, заполучив эту ледяную красавицу, он получит поддержку всего клана Янь. Да и что это за персона — Янь Жунцю? В своё время его развод с Хэ Сюнем, несмотря на все попытки семей Янь и Хэ замять дело, прогремел на весь город, и ажиотаж до сих пор окончательно не улёгся. Если он будет с ним, то какая уж тут нужна искусственная раскрутка и пиар? Внимание и трафик, которые он получит, будут эффективнее участия в сотне дурацких шоу.

Чем больше Цзян Юйнин об этом думал, тем прекраснее и приятнее ему становилось, и в голове начали роиться неприглядные планы.

Раз объект — холодный, твёрдый и неподатливый камень, то обычные методы соблазнения Омеги, вроде красоты и фигуры, явно не сработают. Подумав, он пришёл к выводу, что, вероятно, придётся действовать с другой стороны.

Всё-таки он же чувствительный и нестабильный Омега.

Как раз когда Цзян Юйнин сладострастно предавался прекрасным мечтам о будущем, кто-то вдруг хлопнул его по спине.

С такой силой, что все внутренности, блин, чуть не сместились!

Цзян Юйнин скривился от боли, пошатнулся и обернулся. Перед ним стоял этот немой ассистент Янь Жунцю!

— Ебать твою мать, уёбок!

Он был в шоке и ярости, на мгновение потерял контроль над языком, мгновенно разрушив аристократичный образ «маленького волчонка» и превратившись в отборного тролля.

Все присутствующие остолбенели.

Окружённый множеством взглядов, Хэ Чжу спокойно отстранил Цзян Юйнина и протянул руку, чтобы перекрыть кран.

— Вода уже переливается через край.

Наступила секундная тишина.

— Ты, если что-то хотел сказать, то так и говори, зачем бить? — Цзян Юйнин покраснел от злости, готовый взорваться. Будь это в обычной обстановке наедине, он бы уже отправил этого типаша искать выбитые зубы по всему полу!